

Р.Ш.Ганелин, М.Ф.Флоринский

В.С.ДЯКИН О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ 1914–1915 гг.

Ganelin, R.Sh., and Florinskii, M.F. "V.S.Diakin about Matters of State Administration in Russia during 1914–1915".

This article reviews some aspects of change in the state administration of the Russian Empire during the World War I, and the development of internal politics in the country just before the collapse of autocracy. Based on V.S.Diakin's works, the authors describe the state of matters in the "upper strata" (state administration) before World War I, and introduce to the scientific community new materials on this matter which support the main conclusions of this famous historian.

К числу проблем отечественной истории начала XX в., которым В.С.Дякин в своих исследованиях уделял наибольшее внимание, несомненно, принадлежат такие проблемы, как эволюция государственного управления Российской империи во время Первой мировой войны и в целом – проблема внутривластного развития страны в преддверии крушения самодержавия. Этой тематике посвящены его монография «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917)» (Л., 1967),

написанные им разделы коллективных трудов «Кризис самодержавия в России. 1895–1917» (Л., 1984), «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (СПб., 1996) и другие работы. Введение в научный оборот большого количества неизвестных ранее источников, а равно тонкий анализ источников, уже использовавшихся исследователями, позволили В.С.Дякину по-новому взглянуть на многие события и явления в истории предреволюционной России.

Характеризуя особенности развития политико-правовой конструкции империи во время Первой мировой войны, В.С.Дякин в своих изысканиях опирался на результаты, полученные им при изучении ситуации, складывавшейся в верхах в канун глобального вооруженного конфликта. Как известно, в конце января 1914 г. в правительстве произошли существенные перемены. В.Н.Коковцов, занимавший посты председателя Совета министров и министра финансов, получил отставку, главой правительства был назначен И.Л.Горемыкин, а министром финансов – П.Л.Барк. Эти события привлекали внимание предшественников В.С.Дякина. Так, А.Я.Аврех, охарактеризовав в общих чертах в своей вышедшей еще в 1966 г. работе разнообразные коллизии, которыми сопровождалось увольнение В.Н.Коковцова, сделал в итоге следующий вывод: «...отныне (с заменой В.Н.Коковцова И.Л.Горемыкиным. – Р.Г., М.Ф.) всякой самостоятельности официального правительства пришел конец и оно стало безвольной игрушкой в руках “темных сил”» (Аврех 1966: 171–172). Иными словами, в назначении премьером И.Л.Горемыкина А.Я.Аврех усматривал торжество, так сказать, крайней реакции. Схожую оценку этого события А.Я.Аврех дал и в своей книге, опубликованной в 1981 г., отметив также, что уход В.Н.Коковцова явился началом претворения в жизнь Николаем II целой концепции «вотчинного управления», т.е. управления страной не через официальное правительство в лице Совета министров, а помимо него (Аврех 1981: 274).

Ни в коей мере не желая недооценить то значение, которое имели труды А.Я.Авреха для изучения предвоенной истории России, необходимо, однако, обратить внимание на следующее обстоятельство. Основанием для приведенных заключений исследователя послужил весьма узкий круг источников – прежде всего воспоминания В.Н.Коковцова. Последний же,

что не было учтено А.Я.Аврехом, явно преувеличивал степень ослабления влияния премьера и Кабинета на политику самодержавия в «постстольпинскую эпоху». Повествуя о ситуации, складывавшейся во властных структурах империи в период его премьерства, В.Н.Коковцов подчеркивает, что «все резче и рельефнее выступал личный характер управления государем» (Коковцов 1992: 130). Однако приводимые самим мемуаристом факты не вполне согласуются с этим утверждением. Так, в 1912 г. из-за противодействия В.Н.Коковцова не состоялось (вопреки недвусмысленно выраженному желанию Николая II) назначение В.Н.Воейкова главноуправляющим по делам физического развития населения, а оппозиция Кабинета помешала в 1913 г. министру внутренних дел Н.А.Маклакову, заручившемуся поддержкой царя, сделать московским городским головой Б.В.Штюрмера (Коковцов 1992: 118–122, 195–199, 201–204).

В.С.Дякину удалось показать, что подоплека происшедших в 1914 г. перемен в правительстве была не столь простой, как это представлялось А.Я.Авреху. Существенным подспорьем для исследователя в данном случае явилась вышедшая в 1973 г. в Париже книга К.А.Кривошеина, сына одного из наиболее крупных государственных деятелей предреволюционной России – главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В.Кривошеина, «А.В.Кривошеин (1857–1921 гг.)». Его значение в истории России начала XX века», а также не использовавшиеся ранее историками документы из фонда А.В. Кривошеина в Российском государственном историческом архиве. В результате В.С.Дякин в соответствующем разделе «Кризиса самодержавия» (он был написан в соавторстве с Б.Б.Дубенцовым) пришел к выводу, что в «кампании против Коковцова переплелись действия групп и лиц, руководствовавшихся различными мотивами», причем роковой для премьера как раз оказалась та интрига, в центре которой стоял именно А.В. Кривошеин, стремившийся не к сдвигу политического курса вправо, а к возрождению стольпинской линии на сотрудничество с думским большинством и превратившийся с приходом к власти И.Л.Горемыкина в самого влиятельного члена Кабинета (Кризис 1984). Другое дело, что в итоге добиться улучшения

отношений между правительством и Думой А.В.Кривошеину так и не удалось. Все эти положения были впоследствии развиты и подкреплены дополнительными аргументами в книге В.С.Дякина «Буржуазия, дворянство и национализм в 1911–1914 гг. Разложение трехклассной системы» (1988: 162–165, 178–219).

Результаты изысканий В.С.Дякина не позволяют говорить и о том, что царь накануне Первой мировой войны обнаруживал склонность к управлению государством помимо Совета министров. Показательно, что, вознамерившись осуществить свою идею о превращении Думы и Государственного совета в законосовещательные учреждения, Николай II считал нужным обсудить соответствующий вопрос в июне 1914 г. в Кабинете, причем противодействие почти всех членов правительства замыслу царя вынудило его отбросить этот план (Дякин 1988: 197).

Через месяц, в июне 1914 г., Николай II, решив в случае начала войны занять пост Верховного главнокомандующего, также признал необходимым предварительно выслушать мнение Совета министров, без чего мог и обойтись, поскольку, по закону, в Кабинете из кадровых дел должны были обсуждаться лишь «предположения» главных начальников ведомств «о замещении главных должностей высшего и местного управления» с изъятием из этого правила «должностей по управлению армией и флотом» (Государственный строй 1995: 148). И опять-таки в данном случае царь в итоге пошел навстречу министрам, которые активно отговаривали его от намерения взять в свои руки бразды правления армией (Ганелин, Флоринский 1999а: 474–481).

Выявляя отличительные черты обозначившегося в годы войны «кризиса власти», В.С.Дякин первым в историографии обратил внимание на такой симптом, как разобщенность высшей военной и гражданской администрации. «Война, – отмечал он в «Кризисе самодержавия», – внесла дезорганизацию в систему управления страной. Губернии прифронтовой зоны (очень широкой) были во многих делах гражданского управления подчинены Ставке, а во внутренних губерниях Ставка вмешивалась в решение проблем, хотя бы косвенно соприкасавшихся со снабжением армии. Самовластный характер Николая Николаевича (вел. кн. Николай Николаевич был назначен Верховным главнокомандующим после того, как сам царь под давлением Ка-

бинета отказался от намерения взять на себя с началом боевых действий управление войсками. – *Р.Г., М.Ф.*) и самоустранение Горемыкина от всего, имевшего отношение к военным действиям, вели к постепенному усилению влияния Ставки в ущерб Совету министров, к двоевластию военных и гражданских органов и ведомственной неразберихе» (Кризис 1984: 567). Этот вывод В.С.Дякин основывал преимущественно на свидетельствах А.Н.Яхонтова, который, занимая в 1914–1916 гг. пост помощника управляющего делами Совета министров, фиксировал прения, разворачивавшиеся на заседаниях Кабинета, и в 1926 г., в эмиграции, опубликовал часть своих записей под названием «Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июня–2 сентября 1915 года)» (Яхонтов 1926; Ганслин, Флоринский 1996: 670–703).

Действительно, Положение о полевом управлении войск в военное время, вступившее в силу с началом войны и готовившееся «в предположении, что Верховным главнокомандующим будет сам император» (Яхонтов 1926: 21), с назначением Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича фактически установило в стране отмеченное В.С.Дякиным двоевластие, препятствовавшее эффективному функционированию государственной машины. Более того, с возложением командования войсками на великого князя не только правительственная, но и сама верховная власть, традиционно воплощавшаяся в особе монарха, в известном смысле приобретала дуалистическую организацию. Конечно, отказ главы государства от управления боевыми действиями не являлся чем-то необычайным. Однако в данном случае лицо, которому царь поручил руководство войсками, именовалось не просто главнокомандующим, а Верховным главнокомандующим. В результате возникла довольно двусмысленная ситуация, непосредственно затрагивавшая вопрос о прерогативах монарха, поскольку, согласно Основным законам, именно императору принадлежало «верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства» (Государственный строй 1995: 16).

Не случайно в своем отзыве на проект Положения о полевом управлении войск в военное время государствен-

ный секретарь С.Е.Крыжановский (он, по-видимому, не знал о намерении Николая II лично возглавить армию) обращал внимание авторов проекта на необходимость отнестись «с особой осторожностью к редакции постановлений, которыми предусматривается перенесение государем императором фактического осуществления своих священных и державных прав на уполномоченных им начальников, дабы предупредить всякую возможность ... даже и малейших сомнений в незыблемом сохранении в лице государя императора всей полноты унаследованной им самодержавной власти».

С.Е.Крыжановский в этой связи ставил два вопроса: «насколько удобно само наименование ... "Верховный главнокомандующий"», как бы уравнивающее его достоинство с «державным вождем» и «не следует ли указать применительно к действующему Положению, что он (Верховный главнокомандующий. – *Р.Г., М.Ф.*) представляет лицо государя императора, действует от Высочайшего имени, облачается чрезвычайной властью по непосредственному доверию верховного вождя армии» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1510. Л. 272).

В своих сомнениях государственный секретарь не был одинок. В мае 1915 г. генерал Ф.Ф. Палицын, в прошлом ближайший сотрудник Николая Николаевича по Совету государственной обороны (в 1905–1908 гг. он являлся начальником Генерального штаба) в беседе с великим князем Андреем Владимировичем выразил недовольство тем, что Николая Николаевича сделали «верховным», ибо, как полагал Ф.Ф. Палицын, «нельзя из короны государя вырывать перья и раздавать их направо и налево! Один государь – "верховный", никто не может быть им, кроме него» (Андрей Владимирович 1925: 35).

Как показал В.С.Дякин, «двоєвластие Совета министров и Ставки быстро приобрело политическую окраску», ибо «Ставка нуждалась в практической помощи общественных организаций и вступалась за них перед Министерством внутренних дел. К вел.кн. Николаю Николаевичу зачастили лидеры Думы и союзов (земского и городского. – *Р.Г., М.Ф.*). Незаметно для себя Ставка превращалась в средоточие надежд цензовой оппозиции» (Власть 1996: 617).

Симптоматично, что этот важный вывод находит до-

полнительное подтверждение в недавно опубликованных и В.С.Дякину неизвестных материалах – переписке А.Н.Яхонтова с бывшими царскими сановниками в связи с публикацией им «Тяжелых дней» (Яхонтов 1999). А.Н.Яхонтов – человек, способный к трезвому анализу событий, очевидцем которых он являлся, и весьма осведомленный, усматривал (вероятно, несколько сгущая краски) едва ли не главную причину разразившегося летом 1915 г. политического кризиса в стремлении высшего военного руководства вести политическую линию, не согласованную с «видами правительства». В письме к бывшему члену Государственного Совета В.И.Гурко 19 декабря 1925 г. он, суммируя свои впечатления о деятельности военных властей весной и летом 1915 г., отмечал: «На Земский, Городской и иные расширившиеся в захватном праве союзы посыпались (из Ставки. – *Р.Г., М.Ф.*) без соглашения с правительством и даже без его ведома различные поручения, заказы с многомиллионными авансами и пр. Затем по требованию Ставки или, вернее, по повелениям ее пошло образование различных особых совещаний с преобладающим участием общественных деятелей для чрезвычайного управления такими, например, областями, как оборона, перевозки, снабжение и пр. Сущность этих мероприятий сводилась к дальнейшему обессиливанию исполнительной власти, в достаточной мере уже достигнутому выделением из ее ведения театра военных действий. Наконец, с печати была снята узда, наложенная на нее в порядке военной цензуры... Между тем в общественном мнении ответственность за все возлагалась на правительство, причем такое настроение находило себе опору в воплях Ставки о бездействии тыла. Отсюда возникла мысль “о министерстве общественного доверия” которая приобрела себе последователей не только среди тех кругов, для которых это “доверие” сулило приятные портфели, но и среди чиновничества, офицерства и высших слоев» (Яхонтов 1999: 487).

Принятое царем летом 1915 г. решение лично возглавить армию В.С.Дякин объяснял тем, что царице, «видимо, удалось убедить Николая в существовании заговора Ставки с целью отстранения его от престола» (Дякин 1967: 112). С другой стороны, по мнению В.С.Дякина, тяготение оппозиционных кругов к великому князю «вызвало ревнивое отноше-

ние царя, не любившего, чтобы кто-то заслонял его в глазах подданных» (Кризис 1984: 567).

Е.Д.Черменский на страницах своей монографии вступил в полемику с В.С.Дякиным, утверждая, что «вряд ли царь мог заподозрить великого князя в замысле “узурпировать” царскую власть», ибо Николай Николаевич «оставался подчеркнута лояльным». Как полагал сам Е.Д.Черменский (1976: 111), «смена командования была отчаянной попыткой укрепить пошатнувшийся трон», внушив народу, что в тяжкую годину военных испытаний «сам царь стал на защиту своей страны».

И все же представляется, что высказанное В.С.Дякиным предположение не лишено оснований. Как известно, слухи о заговоре в Ставке (насколько они были достоверны – вопрос другой), имевшие целью решение «распутинской проблемы», получили к лету 1915 г. широкое распространение и едва ли могли оставить Николая II равнодушным.

Конечно, этим отнюдь не исчерпывались мотивы, которыми руководствовался Николай II, принимая решение взять на себя функции главнокомандующего. По-видимому, царь в данном случае едва ли не в первую очередь исходил из «религиозного сознания» долга монарха как первого защитника Отечества (Спиридович 1960: 177). «Уступив» под давлением министров и вопреки своему желанию руководство армией в начале войны великому князю, Николай II самый указ о его назначении облек в такую форму, которая заставляла видеть в Николае Николаевиче как бы временно исполняющего обязанности верховного главнокомандующего (Ганелин, Флоринский 1999а: 480). По-видимому, царь лишь выжидал подходящий момент, чтобы осуществить свою давнюю мечту. Такой момент, с его точки зрения, и наступил летом 1915 г., во время стремительного продвижения австро-германских войск на Восток. Показательно, что А.Н.Яхонтов, повествуя в одном из своих писем о том, как министры отговорили в июле 1914 г. Николая II от намерения занять пост Верховного главнокомандующего, сообщает о высказанных ими тогда в ряду прочих соображений и о таком, согласно которому подобный шаг был бы допустимым в случае, если «военные действия разовьются неблагоприятно и враг бу-

дет угрожать целости, жизненным центрам и самому существованию России» (Яхонтов 1999: 473).*

Наконец, доходившие до Николая II жалобы министров (а равно и представителей общественности) на вредные последствия разобщенности в действиях военных и гражданских властей, очевидно, также явились одним из факторов, подтолкнувших царя к решению занять пост Верховного главнокомандующего. Как отметил А.Н.Яхонтов в упомянутом письме к В.И.Гурко, царь собирался «объединить все власти, тем самым устранив печальные последствия чрезмерно широкого толкования Положения о полевом управлении войск и введя его в рамки чисто военного закона, а не какой-то военной ставропигии» (Яхонтов 1999: 489).

Выступая 22 августа 1915 г. на торжественном открытии Особых совещаний по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу и окончательно утвердившись к этому времени в мысли о необходимости лично возглавить армию, Николай II, по словам дворцового коменданта В.Н.Воейкова, надеялся «показать стране», что он, «принимая на себя звание верховного главнокомандующего, руководит и работами тыла, тогда как до сей поры руководство армиями и руководство работами тыла объединено не было, наблюдались невыгодные последствия двоевластия» (Поливанов 1924: 225–226).

Если говорить о том новом, что внесли ныне опубликованные бумаги А.Н.Яхонтова в историю политического кризиса 1915 г., то следует отметить содержащиеся в них сведения об отношениях между членами Кабинета в ходе кризиса и о роли в этих событиях Кривошеина. В.С.Дякин установил, что Кривошеин поддерживал связь с Николаем Николаевичем, в частности, через начальника Военно-походной канцелярии царя князя В.Н.Орлова, и считал, что Кривошеин намечал «почти полную смену правительства», которую «можно было пытаться осуществить только с помощью Николая Николаевича». Этим В.С.Дякин объяснял то обстоятельство, что среди возможных преемников В.А.Сухомлинова на посту военного министра Кривошеин числил вряд ли устраивавшего его Н.Н. Янушкевича (Кризис 1984: 554).

* Впрочем, в других источниках, содержащих сведения об обсуждении в Совете министров в июле 1914 г. вопроса о верховном командовании, об этом факте не упоминается.

Действительно, жалобы на захват Янушкевичем власти в прифронтовой полосе благодаря Положению о полевом управлении войск в военное время, постоянно раздававшиеся в Совете министров, особенно громко звучали именно в устах Кривошеина.

Однако из письма бывшего министра финансов П.Л.Барка бывшему министру земледелия А.А.Риттиху 9 сентября 1922 г. и воспоминаний Барка следует, что именно Янушкевич еще в марте 1915 г. дал толчок политической активизации министров в оппозиционном направлении и сделал он это не через «бунтовщиков» первого ряда, т.е. «более либеральную группу» министров, как выразился Барк, а через самого Барка, члена правительства, до самого конца монархии остававшегося на своем посту, и И.Г.Щегловитова, отставки которого требовали его либеральные коллеги. В марте 1915 г., когда Барк и Щегловитов были командированы в Ставку для переговоров с Николаем Николаевичем, Янушкевич, демонстрировавший влияние своего положения, сделал им доклад о положении на фронтах. Оба были, по словам Барка, «как громом», поражены сообщением Янушкевича о неудовлетворительности снабжения фронта и условились о том, что именно Щегловитов в ближайшем заседании Совета министров ознакомит его членов с тем, что сообщил Янушкевич, и заявит о необходимости срочных мер «для предупреждения надвигающейся катастрофы» (Ганелин, Флоринский 1999а: 483).

Но вскоре собеседником Барка при обсуждении этих мер стал Кривошеин, а Щегловитов оказался в числе нескольких своих коллег по Кабинету, которые подлежали замене якобы для улучшения военного снабжения, хотя, кроме военного министра Сухомлинова, они, как и министр юстиции, вряд ли имели к этому делу отношение. Впрочем, забота о боевом снабжении войск не относилась ни к землеустройству и земледелию, которыми ведал Кривошеин, ни к иностранной политике, которой руководил другой единомышленник Барка – С.Д.Сазонов, сторонник соглашения с думской оппозицией. Речь шла о перемене внутривнутриполитического курса, переговоры о которой велись по поводу и под прикрытием военно-технической темы. Так обстояло дело на «частном совещании» министров, устроенном после

встречи Барка с Сазоновым, когда большинство их высказалось за отставку тех своих коллег, которые вызывали недовольство общественности.

Однако проблема военного снабжения имела и реальное общеполитическое значение. Это проявилось при обсуждении в конце мая-начале июня 1915 г. идеи образования Особого совещания по усилению снабжения армии с участием представителей общественности (Думы и промышленников). Думцы в лице своего председателя М.В.Родзянко держались таким образом, что образование Особого совещания в качестве высшего государственного учреждения возможно лишь с участием представителей организованной общественности. Это было знаменательное свидетельство ее усилившегося влияния. Вину за это усиление А.Н.Яхонтов, как мы уже говорили, возлагал на Ставку, борющуюся за власть с Советом министров. Он обвинял Ставку в том, что она действовала, «подогревая стремления к государственному перевороту», и этим объяснял решение царя принять на себя верховное главнокомандование.

«Общественность» и Ставка оказывались как бы заодно. Это вполне соответствовало традиционным представлениям, если отождествлять Ставку с вел. кн. Николаем Николаевичем. Но то обстоятельство, что «первоначальное стремление к государственному перевороту» был дан Янушкевичем, которого Совет министров в течение первого года войны безуспешно пытался остановить, когда он слишком далеко заходил в насаждении и поощрении немцеведства и антисемитизма в прифронтовой полосе, используя для этого свое влияние начальника Штаба Верховного главнокомандующего, выглядело парадоксом. Политические убеждения и связанная с ними ориентация оказывались вовсе не единственным или даже определяющим фактором в борьбе за место у кормила государственной власти. И относилось это, судя по некоторым признакам, не только к принципиальной твердолобости Янушкевича, но и к министерскому либерализму Кривошеина. Его любимой темой была недопустимость двоевластия, создаваемого действиями Ставки, направленными против прерогатив Совета министров. Одно из сообщений А.А.Вырубовой о высказываниях Николая II дает основание считать, что Кривошеин жаловался царю на эти дей-

ствия Ставки, недвусмысленно задевая Николая Николаевича. Сообщение, которое она связывает с падением Варшавы (это произошло 23 июля 1915 г.), гласит: «На нем (Николае II. – *Р.Г., М.Ф.*) лица не было; он почти потерял свое всегдашнее самообладание. “Так не может продолжаться, – вскрикнул он, ударив кулаком по столу, – я не могу все сидеть здесь и наблюдать за тем, как разгромяют армию; я вижу ошибки – и должен молчать! Сегодня говорил мне Кривошеин”, – продолжал государь, указывая на невозможность подобного положения. Государь рассказывал, что великий князь Николай Николаевич постоянно без ведома государя вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания, что создавало двоевластие в России» (Вырубова 1990: 156–159).

Слова царя о действиях Николая Николаевича, по всей вероятности, связаны с его ссылкой на состоявшийся в тот же день разговор с Кривошеиным, который в этом случае последовательно отстаивал права Совета министров от покушений со стороны Ставки и самого Верховного главнокомандующего. Но как это сочеталось с его особыми отношениями с великим князем? Имел ли в виду Николай II и Кривошеина, говоря своей матери, что «его все обманывают»? (Андрей Владимирович 1925: 76).

Ведь согласившись на изменения в правительстве, царь решил полностью подчинить себе его новый состав, убрав с политической арены и инициаторов перемен в нем, которым он был вынужден уступить, и великого князя Николая Николаевича.*

* Один из сотрудников С.Ю.Витте, А.А.Спаский-Одынец, объясняя в своих воспоминаниях причины решения царя, привел рассказ свиты Его Величества контр-адмирала флигель-адъютанта С.С.Фабрицкого, пользовавшегося благосклонностью царской четы, о завтраке с Александрой Федоровной незадолго до того, как Николай II принял на себя верховное главнокомандование.

«А что думают, Фабрицкий, у вас во флоте о положении на фронте?» – спросил царь. «Ждут, Ваше Величество, когда возглавит Божьей милостью верховный вождь и армию и флот», – отвечал Фабрицкий. – «Вот видишь, не права ли я», – вступила в разговор Александра Федоровна. По мнению мемуариста, одним из мотивов решения царя была надежда на единение общества. А.А.Спаский-Одынец ссылается в подтверждение этого на записочки Г.Распутина, который в связи с открытием в феврале 1916 г. думской сессии писал: «Думу надо беречь... Не надо с ней ссориться». При этом Спаский отмечал, что Распутин знал через

* * *

Среди источников, оказавшихся для В.С.Дякина недоступными, следует также отметить мемуары гр. П.Н.Игнатьева, министра народного просвещения в течение 1915 и 1916 гг., в советской и постсоветской историографии до сих пор не упоминавшиеся.**

Остановимся в этом своего рода приложении к нашей статье на тех из приведенных мемуаристом сведениях, которые представляют интерес для современного исследователя и от-

А.А.Вырубову об отношении царя к Думе в тот момент, сопоставляя его с временами III Думы. Тогда после речей в ней А.И.Гучкова и др. Николай II спросил Фабрицкого: «Что думают у вас во флоте о Государственной Думе?» – «Ждут, Ваше Величество, когда Вы ее разгоните», – ответил тот. «Государь, по словам Фабрицкого, улыбнулся, погладил ус: «В свое время, Фабрицкий! А пока нужно терпеть». «Кто посмеет противостоять самодержавному царю – предводителю армии, покрывшему славою ее знамена?» – так применительно к лету 1915 г. определял А.А.Спасский-Одынец основную идею Николая II, которую наивно не понимали министры.

Другую причину желания царя стать верховным главнокомандующим А.А.Спасский-Одынец видел в том, что он не мог простить Вильгельму II пренебрежительного к себе отношения. За год до Сараева стала известна фраза кайзера: «Недостаточно быть первым теннисистом Европы, чтобы управлять таким огромным государством, как Россия». К тому же Александра Федоровна, воспитанная при английском дворе, с трудом переносила все немецкое (Спасский-Одынец: 500-502).

** Нам известна их машинописная копия в переводе на английский язык в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке (Once a minister in Imperial Russia. The Memoirs of Count Paul Nicholaevitch Ignatiev). Гл. XII называется «Совет министров», гл. XIII – «Разногласия в Совете министров», гл. XIV – «Доклады царю по вопросам образования», гл. XV – «Премьерство Бориса Штюрмера». Гл. XVI и XVII также посвящены всеподданнейшим докладам, а гл. XVIII называется «Моя отставка из Кабинета». Несомненно, существование соответствующего русского текста. В 1944 г. в нью-йоркском «Новом журнале» в №№ 8 и 9 за подписью самого П.Н.Игнатьева были опубликованы его части под названием «Совет министров в 1915–1916 годах (Из воспоминаний)» со следующим редакционным примечанием: «Неопубликованные воспоминания гр. П.Н.Игнатьева охватывают всю его жизнь – от детства до эмиграции. Центральная часть воспоминаний посвящена работе автора и его сотрудников по ведомствам земледелия и народного просвещения. С разрешения автора мы печатаем главы, относящиеся к политическому кризису 1915–1916 годов».

Текст разбит на девять пронумерованных, но не озаглавленных разделов. Следует отметить, что английский перевод, делавшийся, как видно из предисловия Игнатьева, им самим с помощью англоязычного советника, не во всем совпадает с опубликованным в «Новом журнале» русским текстом, представляющим собой, по-видимому, свод фрагментов различных разделов воспоминаний. Поэтому при изложении тех частей воспоминаний, которые посвящены Совету министров, мы пользуемся как текстом, опубликованным в «Новом журнале», так и машинописью на английском языке.

сутствуют в показаниях Игнатьева Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (Падение 1926: 1–26).

Однако прежде скажем о том, каким необычным образом представлял себе Игнатьев причины влияний «разных, по меньшей мере, темных личностей вроде князя Андроникова и Распутина», к которым, как он это ощутил, вступив в правительство, часть его членов считала нужным прислушиваться. «Основа возможности таких влияний лежала, как мне кажется, – писал он, – в том отчуждении, которое установилось между верховной властью и населением со времен “гатчинского сиждения” императора Александра III. Это давало возможность всяким интриганам выставлять своих кандидатов на открывавшиеся высшие вакансии... Раз вообще возможные кандидаты были люди для верховной власти почти всегда совершенно неизвестные – двери для влияния интриг оставались открытыми, особенно ввиду все больше развивавшегося недоверия к интеллигентным слоям населения. В развитии этого недоверия значительную роль играло нашептывание деятелей “Союза русского народа”, выступавших в качестве представителей толщи населения, не отравленного оппозиционным настроением» (Игнатьев 1944: 302).

Говоря об изменениях в составе правительства в первые месяцы 1915 г., П.Н.Игнатьев подчеркивает роль в них А.В.Кривошеина, за исключением замены ушедшего одним из первых С.И.Тимашева на посту министра торговли и промышленности кн. В.Н.Шаховским, офицером гвардейского экипажа, которой Кривошеин не препятствовал, получив успокоительные заверения от своего приятеля министра путей сообщения С.В.Рухлова.

Уход Маклакова, отношения которого с Кривошеиным были таковы, что к этому времени они не подавали друг другу руки, Игнатьев связывает с политикой в польском вопросе, неудачу которой Маклаков подчеркивал (Игнатьев 1944: 302; Ignatiev: 165).

Кандидатуры кн. Н.Б.Щербатова, сменившего Маклакова, А.Д.Самарина – Саблера, поддерживались Кривошеиным, который придавал значение тому, что оба они

были губернскими предводителями дворянства, Щербатов – в Полтаве, Самарин – в Москве.

«Но время было упущено, – добавлял Игнатъев, – да и к тому это были представители лишь дворянских групп, уже значительно потерявших свое общегосударственное значение». В целом, Игнатъев считал, что «к началу лета 1915 г. состав Совета министров значительно улучшился и более общественно настроенное направление, возглавляемое Кривошеиным, располагало довольно значительным большинством». К нему присоединился и новый военный министр А.А.Поливанов.

«Летом 1915 года в Совете министров началась политическая борьба между двумя течениями – Горемыкина, поддерживавшегося Александром Хвостовым и опиравшегося на влияние государыни, и всех остальных членов Кабинета с Кривошеиным во главе. Сазонов примыкал к Кривошеину и нашей группе, хотя во многом с нами расходился. Кн. Шаховской сыграл довольно безличную роль: он примыкал к нашей группе, но личные отношения к Горемыкину заставляли его в серьезные моменты примыкать к Ивану Логгиновичу». Горемыкин, «по характеру своему крайне ленивый, политически безмерно осторожный», начал тяготиться активностью Кривошеина и с конца мая противодействовать его намерениям, писал Игнатъев, отмечая, что «стали проявляться все более интенсивно посторонние влияния» на премьера (Игнатъев 1944: 306–307).

К тому же в связи с открытием госпиталя в доме Горемыкина на Московской улице возникли связи между его семьей и считавшимися распутинцами банкирами Д.Л.Рубинштейном и И.П.Манусом. В журнале «Столица и усадьба» появилась фотография, на которой они были в числе покровителей горемыкинского госпиталя (Ignatiev: 168).^{*} Не только «общественники», но и большинство министров считали необходимым, чтобы правительство выработало общую программу внутренней политики. «Но Горемыкин принципиально не допускал программ-

^{*} В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Игнатъев упомянул об этой фотографии как запечатлевшей вместе с Манусом и Рубинштейном жену Горемыкина.

ного обмена мнений в заседаниях Совета и заполнял время рассматриванием текущих дел. Заседания на Елагином острове, на даче председателя Совета министров, становились все более формальными. В течение лета Его Величеству угодно было собирать в Царском Селе общие заседания Совета министров для выяснения общих вопросов, но дальше их постановки дело не пошло. Предметом разговоров были все более малозначительные вопросы. Напрасно некоторые министры, как Щербатов, даже Сазонов, возбуждали вопрос о программе, об общности действий, напрасно Щербатов подчеркивал растущее недовольство в стране. Все чаще стали мы до или после заседаний Совета министров собираться на Аптекарском острове, на даче А.В.Кривошеина, и здесь, в сущности, намечался в главных чертах путь нашего поведения. Чаще всего здесь собирались Поливанов, Сазонов, Барк, Харитонов, Щербатов, Самарин и я», – писал Игнатъев (1944: 307–308).

Далее он перешел к рассказу о заседании Совета министров «в начале июля», на котором министры вошли в противоречие с Горемыкиным по поводу созыва Думы к годовщине начала войны. Заседание это, имевшее в действительности место 7 июля, фигурирует в записях А.Н.Яхонтова (1999: 197).

Однако изложенное Игнатъевым весьма резко его выступление Яхонтовым записано не было, поэтому мы воспроизводим игнатъевский рассказ об этом заседании: «Горемыкин носился с мыслью не собирать Думы или предрешишь, что в случае каких-либо нежелательных выступлений произвести ее роспуск. ... Горемыкин ссылался на то, что за границей в то время общих собраний законодательных палат не было и действовало правительство при содействии комиссии из членов законодательных палат, что теперь такие совещания образованы и у нас (совещание при военном министре было создано в мае этого года. – Р.Г., М.Ф.) и потому нет основания законодательным палатам длительно заседать.

Горемыкин стал спрашивать мнения членов Совета. Когда очередь дошла до меня, я, волнуясь, сказал, что, действительно, по римской пословице, во время войны законы молчат и западные государства этого отчасти придер-

живаются. Но мы лишены этой возможности, так как наше правительство не заслуживает доверия нации, оно не может располагать судьбами ее, и за ним не пойдут, а в эту тяжелую минуту, когда нужен подъем всех сил страны, такой отказ от созыва законодательных палат, особенно Государственной думы, которой еще верят, может иметь последствием полную апатию в стране. Я понимаю, что, созвав Думу, можно требовать от нее не затягивать своей сессии и ограничиться лишь крайне необходимым, но для этого нужно, чтобы правительство предстало перед Думой во всеоружии общей определенной программы действий, ясной для страны. Такое правительство, пользующееся авторитетом, могло бы смело считаться с обструкцией, чинимой беспокойными элементами Думы, распустить ее в случае ее сопротивления и взять на себя ответственность перед страной.

Программы такой у нас нет, мы плывем по воле волн, разрешая те вопросы, которые до нас докатываются, а большинство вопросов разрешается отдельными властями за свой страх и совесть. Такое правительство, какое мы из себя представляем, не имеет права распустить Думу перед лицом надвигающегося врага. Кривошеин и Самарин меня поддержали. Поливанов через стол молча переслал одобрительный кивок. В первый раз активное выступление председателя Совета министров встретило неодобрение.*

Под влиянием всех этих событий у большинства членов Кабинета, собиравшегося на даче А.В.Кривошеина, была намечена мысль, что Горемыкин должен оставить свой пост и на его место должен быть поставлен генерал с моральным авторитетом, с определенной программой. намечался Поливанов. Если бы Государственная дума не пожелала с ним работать, он имел бы право распустить ее. Нам представлялось, что наличность генерала во главе правительства придавала бы последнему известный авторитет перед лицом страны и союзников» (Игнатъев 1944: 308–309).

По поводу обстоятельств самого конфликта вокруг

* Совет установил дату созыва Думы, отказавшись установить дату ее роспуска (Яхонтов 1999: 197).

принятия на себя Николаем II верховного главнокомандования Игнатьев сообщает мало нового. Его утверждения о том, что о намерении царя Совет министров узнал на том же заседании, на котором Горемыкин настаивал на необходимости роспуска Думы, не соответствует записям Яхонтова 7 июля и 6 августа 1915 г. Но он, вероятно, прав, сообщая, что «взволновавшие всех слухи об осложнившихся отношениях между верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем и Царским Селом» появились приблизительно в июле. Смысл дела состоял в том, что лица из окружения императрицы и «проходимцы, сгруппировавшиеся за спиной окончательно уже одряхлевшего Горемыкина» стали считать опасным влияние и авторитет великого князя. «Говорили о каких-то возникших подозрениях, будто бы великий князь, возмущенный влиянием на государя государыни и окружавшей ее атмосферы, имел намерение произвести дворцовый переворот», – писал Игнатьев (1944: 309–310).*

Упомянув о заседании Совета министров, собранном царем в Царском Селе, на котором министры изложили свои возражения против принятия им на себя верховного главнокомандования, – нам приходилось писать об этом заседании со ссылкой на рассказ А.А.Вырубовой (Ганелин, Флоринский 1999: 491) – Игнатьев сообщает, что говорили на заседании главным образом Кривошеин и Щербатов, а он заявил о своем полном согласии с ними.

Известное письмо министров царю было составлено ими у Сазонова в Министерстве иностранных дел, главное участие в этом принимали Харитонов и Кривошеин. Начисто переписал письмо Барк. Описывая совещание членов всех особых совещаний и видных лидеров Думы, состоявшееся под председательством царя в Зимнем дворце в день вручения ему письма министров (это было 22 августа 1915 г.), Игнатьев подчеркивает, что, несмотря на письмо (по его мнению, оно уже было

* В английском тексте фраза эта не имеет направленного против Александры Федоровны смысла. Она звучит так: «Говорили, что великий князь, обеспокоенный роковым влиянием на царя и царицу и окружавшей их атмосферой, планировал дворцовый переворот» (Ignatiev: 173).

прочитано Николаем II, и министры, кроме Горемыкина, были единственными не удостоенными ни единого знака царского внимания), само совещание и раут после него смягчили напряженность всеобщего настроения. Его поразило волнение, с которым А.И.Шингарев поцеловал руку наследника.

«Это собрание показало мне, что могла бы сделать верховная власть, если бы отрешилась от традиций последних царствований и решила стать вплотную к населению, – писал Игнатъев, по своему обыкновению не делая разницы между Александром III и Николаем II. – Верховной власти такое общение было крайне легко, но, увы, пребывание в Гатчине, жизнь постоянная в Царском Селе, без общения даже с высшими служилыми кругами, установили грань, которую, по-видимому, не было сил перейти» (Игнатъев 1944: 312).

Заслуживает внимания сообщение Игнатъева о заседании Совета министров, вызванного царем в Ставку (оно проходило 16 сентября 1915 г.): «Видимо, это должно было быть ответом на наше письмо. Думаю, что надеялись примирить нас с председателем Совета. Заседание вышло крайне тягостное». Царь, имея перед собой конспект, сделал выговор подписавшим письмо, не упоминая о его причинах. Первым ему отвечал Сазонов, ссылавшийся на то, что ему перед иностранными послами «приходится лишь краснеть, отмалчиваться или давать объяснения» по поводу отсутствия программы правительства и единства в нем. Затем, иллюстрируя сказанное Сазоновым об отсутствии направляющей деятельности Горемыкина, говорили Харитонов и – несколько слов – Кривошеин. На этом все, может быть, и кончилось бы, считал Игнатъев, если бы Горемыкин, желавший представить выступление министров как личный выпад против себя самого, не закончил свою речь призывом работать по обычаю русского дворянства не только за страх, но и за совесть. Слово «страх» вызвало общее возмущение, выраженное Самариным, с которым все выразили полную солидарность. Игнатъев видел в этом «начало конца» работы правительства прежнего состава. Назад в Петроград ехали Горемыкин с Хвостовым в вагоне председателя, все остальные – в вагоне воен-

ного министра. Раз в пути Горемыкин пришел в вагон Поливанова, но был встречен гробовым молчанием (Игнатъев 1944: 313–314).

3 сентября 1915 г. Игнатъев был принят Александрой Федоровной. Он должен был ей представиться сразу же после назначения министром в январе, но принят был лишь теперь, осенью, и то после повторного напоминания. Вернувшись домой, он сделал запись своего разговора с ней, из которой видно, что она была непреклонна в общеполитическом смысле и в этот момент не отказалась еще от поддержки Горемыкина.*

Она начала с того, что на фронте и по всей России «настроение бодрое, хорошее... , только в Москве и Петрограде Бог знает что». «Дума и печать говорят всякие мерзости, – продолжала она. – Как это министр внутренних дел допускает, чтобы печать помещала такие вещи? Нападают и на меня, что я немка, это мне все равно, но стараются сделать больно государю. Что Государственная дума говорит про правительство, что она хочет, чего добивается?»

Игнатъев сказал о пассивности правительства, о его фактическом отсутствии, но она продолжала: «Вы все нападаете на Горемыкина, он честный слуга государя, и государь его любит. Кого же хотят? – Гучкова? Он ненавидит Государя, стремится устроить республику и стать ее президентом». На возражения Игнатъева Александра Федоровна не реагировала, повторив: «Так кого же вам нужно: Гучкова, Родзянко?»

Игнатъев ответил: «Теперь военное время и, может быть, наилучшим разрешением вопроса было бы привлечение во главу правительства какого-либо генерала, достаточно популярного, выдвинутого этой войной». Императрица продолжала стоять на своем, требуя поддержки Горемыкину, на что Игнатъев возразил: «Это было бы против совести». Когда она потребовала «больше настойчивости и строгости», он заявил: «Конечно, возможно введение диктатуры и управление страной этим, вне нормальных законов лежащим, порядком. Такой способ в наших нео-

* Мысль о возможности его замены мелькнула в ее письме Николаю II 17 сентября (Ганелин, Флоринский 1996: 39).

быкновенных условиях мыслим, но для этого нужен человек ума и воли, но главное, нужно располагать войском, которое бы слепо шло за своим повелителем. Теперь такого войска нет. Войско это, при нынешней численности армии и ее составе, – это вооруженный народ, милиция. Старые кадры легли на полях Галиции, Царства Польского и Восточной Пруссии. Опереться на войско в борьбе с состоянием духа нации теперь никакой диктатор не может. Есть другой способ управления, когда правительство опирается на общество, действует в тесном единении с общественными силами и теми, кому есть что терять от беспорядка, от нестроения, и кто в сильной, правомерной, общественно настроенной власти видит свое спасение от всяких эксцессов толпы и опасности внешней. Так управляют во всех странах, а в переживаемые исторические моменты в особенности». Но все доводы Игнатьева не действовали. «Государь не может уступить, дать немного – захотят большего. Где остановиться и что останется от власти государя?» – сказала она. А после неудачи ее повторного призыва помочь Горемыкину заключила: «Ведь Вы знаете, что делают с полком, если между командиром и офицерами происходит нечто подобное случившемуся в Совете министров, – его раскассируют». «Мы только этого и просим», – ответил Игнатьев. Из опубликованных впоследствии писем императрицы он усмотрел, что начиная с этого разговора росло ее недовольство им как либералом (Игнатьев 1944: 315–317).

Назначенный на место Горемыкина Штюмер отклонил просьбу Игнатьева об отставке, заявил, что если он с ним «по некоторым вопросам, видимо, расходится, то во всяком случае приложит все силы, чтобы войти в контакт и сговориться с общественностью». Царь, также отклонивший его просьбу об отставке, подтвердил Игнатьеву, что Штюмер «именно призван установить соглашение между Думой и правительством, сгладить отношения с обществом».

О своей деятельности в Совете министров при Штюмере Игнатьев писал: «В сущности, только с одним Покровским мы были более или менее единомышленны. Но

Покровский при всех своих больших качествах по существу был человеком апатичным, мало интересующимся общей политикой и во всяком случае не человеком борьбы. С Барком у меня были также недурные отношения, но и он вести политическую борьбу не мог, да и по своим политическим убеждениям не мог не примыкать по многим вопросам к группе лиц, более право настроенных. Наумов, хотя и общественно настроенный, по своим политическим убеждениям тоже был правее Покровского и меня и в политической жизни был совершенным новичком. Сазонов почти ступешался и даже старался не принимать участия в заседаниях Совета, предоставляя Нератову замещать его. ... Моя роль в Совете заключалась в том, чтобы следить за тем, что там говорится, и резкими выступлениями мешать проведению того, что, по моим убеждениям, было неправильно или вредно.

В моих выступлениях нередко меня поддерживал Наумов, почти всегда Покровский, но наиболее серьезные дела до Совета и не доходили. Было организовано Совещание председателей особых совещаний, которые, в сущности, все и делали.

Первую скрипку стал играть все энергичнее Александр Трепов, человек безусловно неглупый, энергичный, но крайне скрытный и склонный к интриге. Чувствовалось, что он ролью Штюрмера недоволен, но поддерживает его как принадлежащего к той же группе правого крыла Государственного Совета. В первую голову он стал вести борьбу с Сазоновым, считая его человеком левых убеждений, находящимся под влиянием П.Н.Милюкова» (Игнатьев 1944: 318–320).

Игнатьев подробно остановился на своих всеподданнейших докладах, в которых пытался «доказать всю ложность пути, избранного государственной властью, и наметить тот курс, который необходимо было взять». В первом из них, 19 августа 1916 г., он развил традиционную концепцию о казенно-бюрократическом средостении между царем и народом, ссылаясь на вековую борьбу земщины с приказным строем и т.п. «По существу государь признал правильность моих взглядов и отменил, что он всегда с доверием относился к русской общественности, что и выразилось в установлении Государственной Думы», – писал Игнатьев. Говоря о недееспособности пра-

вительства, министр обратил внимание на нерешенность публично поднятого самим царем и бывшим Верховным главнокомандующим польского вопроса («до сих пор ничего не решено и не объявлено, а враг не дремлет и спешит использовать психологический момент в ущерб нам»). Он поднял и вопрос о Галиции и Буковине («мы готовы, по видимому, повторить ошибки нашего вторжения туда»).

На это царь ответил, что уже намечены иные пути («на этот раз мы будем входить туда, не нарушая сложившихся укладов жизни»), и советовал переговорить с отцом Гергисем Шавельским. Игнатъев пожаловался царю на резкий отпор, который он встречал в Совете министров, пытаясь заговорить об общей политике в славянском вопросе в связи с возвращением после войны на родину военнопленных славян.

Следующий доклад Игнатъева состоялся 21 октября 1916 г., после назначения министром внутренних дел А.Д.Протопопова и конфликта вокруг передачи его министерству продовольственного дела из Министерства земледелия. О своем несогласии с тем, чтобы «поручить такое жгучее дело столь непопулярному ведомству, не призываемому работать в согласии с общественными силами», Игнатъев заявил в Совете, но голоса разбились почти поровну. Он заявил царю, что «как будто нарочно создаются все большие тяготы для все более широких слоев населения», говорил о недовольстве, которое «все растет и докатывается до верховного вождя армии», и произнес свое предостережение: «Я не хочу быть пророком, но мне кажется, что достаточно будет одной искры, чтобы вспыхнул страшный пожар».

Царь не отрицал этих опасений, но сказал, что в Петрограде все кажется хуже, чем оно есть в действительности, и добавил, что, конечно, необходимо принять все доступные меры для облегчения тягот населения (Игнатъев 1944: 276–279). Следующий затем раздел воспоминаний, посвященный событиям вокруг знаменитого заседания Думы 1 ноября, заслуживает, как нам представляется, почти полного воспроизведения. В нем сказано: «После моего октябрьского доклада события стали быстро развиваться. По городу стали распространять-

ся слухи, что думский блок готовит выступление в день возобновления занятий Государственной думы. Самая редакция заявления держалась в тайне. 1 ноября, во вторник, должна была собраться Государственная дума, а в пятницу вечером Штюмер экстренно вызвал нас к себе в Министерство иностранных дел для срочного совещания. Председатель Совета министров доложил нам, что в его распоряжении находится текст той резолюции, которую блок намерен огласить в заседании Государственной думы. Этот текст был прочитан и, должен сказать, произвел на меня тяжелое впечатление с точки зрения того глубокого уважения, какое я всегда питал к Думе и ее ответственным выступлениям. Мне казалось, что все, сказанное в резолюции, могло быть сказано в той или иной речи отдельного члена Думы, но в текст резолюции могли входить лишь мысли и обвинения проверенные и не могущие быть названными клеветой. Больно прозвучало слово "измена" и указание на факты, упоминание о коих было рискованным, так как едва ли эти факты могли быть доказаны.

В кабинете был полумрак. В одном конце, в глубоком кресле, полулежал Штюмер с больной ногой. Вокруг него сидели ближайшие его соратники: Макаров, Трепов, Раев и Протопопов, дальше Григорович, Шуваев. В другом конце кабинета, на диване, сидели мы с Покровским и к нам подсел Шаховской.

Кто-то из министров после долгой и томительной паузы спросил, нельзя ли переговорить с председателем Государственной думы и постараться исключить то, что с точки зрения интересов обороны являлось нежелательным. На это Штюмер сказал, что Родзянко с ним и разговаривать не будет. Нам всем показалось это странным, но я не знал тогда, что за несколько часов перед этим произошла между Штюмером и Родзянко крупная размолвка по поводу крайнего отказа в приеме председателя Государственной думы в Ставке. Штюмер не нашел нужным поставить членов Кабинета в известность о случившемся.

После такого ответа стали выражать суждения, кому взять на себя поручение переговорить, так как высказанная мысль о возможности отсрочки заседания Государ-

ственной думы была отвергнута, и это во всяком случае не могло иметь места прежде, чем не были испробованы все средства для предотвращения резкого и публичного конфликта власти с Государственной думой, с ее большинством. Все возможные комбинации переговоров были постепенно забракованы.

Вдруг, после новой томительной паузы, Штюрмер глухим голосом сказал: “Граф, Вы нам помогите”. Этот вызов вывел меня из состояния равновесия и в страстной реплике я сказал, что меня насильно держат в этом составе Совета министров, что этот Совет, как и выяснилось в этом совещании, не смеет и не имеет нравственного права вступать в переговоры с Государственной думой, со страной, и от имени Совета, по его поручению, я говорить ни с кем не могу. Но мне бесконечно дорого счастье и благополучие Родины, мне дороги честь и достоинство ее законодательных учреждений, и во имя этого я, как Игнатъев, буду говорить и сделаю все от меня зависящее, чтобы изменить редакцию резолюции. Я убежден, что я буду не один, что Н.Н.Покровский, из тех же побуждений, будет действовать в знакомых ему кругах. Все это, однако, под одним условием, – чтобы никто нам не мешал и особенно министр внутренних дел. Протопопов обещал, но вдруг Раев вставляет свою фразу: “Нам было бы все-таки интересно знать, что будут говорить членам Думы наши делегаты”. Это меня совершенно взорвало, и я, сознаюсь, грубо и резко сказал: “Видимо, меня не поняли, я делегатом этого Совета не могу и не желаю быть, никому здесь отчета в своих действиях давать не намерен и буду действовать, как Игнатъев, а не как член этого Совета. Если эти условия неприемлемы, я не пошевелю пальцем”. Все удостоверили, что меня поняли. Покровский также подтвердил, что при условии полной самостоятельности только и возможны его шаги перед членами Думы.

После совещания с князем Волконским, бывшим товарищем председателя Государственной думы, мы с Покровским разделили районы наших действий и часть этой ночи, а также всю субботу посвятили переговорам с разными видными членами Думы. Выяснилось, что резолюция была выработана секретно, что имеется лишь определенное число ее

экземпляров, так что ни один из моих собеседников не мог мне ее показать для возобновления в памяти текста. Видимо, резолюция была сообщена Протопопову одним из членов Думы (как предполагалось, Крупенским). Тогда лишь я узнал, что Родзянко получил отказ в приеме, что это было сделано в довольно резкой форме, причем конверт должен был быть адресован Штюрмеру для словесной передачи резолюции, но по ошибке был послан прямо Родзянке. Наши долгие беседы привели к тому, что члены Думы согласились значительно смягчить резолюцию, поняв, что резкие и недостаточно еще проверенные обвинения, как обвинения в измене, могут быть высказаны в речах, но не в резолюции большинства Думы. В воскресенье утром атмосфера казалась значительно разряженной, но тут же выяснилось, что Протопопов не сдержал слова и, вероятно, через того же члена Думы пустил слух среди членов Думы – крестьян и духовенства, что если редакция формулы не будет изменена, то решено Думу распустить, а последствием будет призыв военнообязанных на фронт и лишение окладов. Это злостное застращивание, конечно, возымело совершенно обратное действие. Все смягчающие решения предыдущего вечера стали пересматриваться в течение воскресенья, и возбуждение вновь стало расти.

Когда в воскресенье вечером мы вновь собрались в кабинете председателя, Покровский, не знавший еще о происшедшей перемене, доложил о благоприятных результатах нашей миссии. Члены Совета, имевшие случай в субботу вечером беседовать с некоторыми членами Думы, подтвердили все это. Засим обратились ко мне и мне пришлось заявить, что все это так было, но произошли обстоятельства, о которых я предупреждал, и что если и будут сделаны исправления, то значительно меньшие, что атмосфера крайне сгущенная и что все это случилось потому, что один из членов Совета не сдержал данного слова и пустил в среде членов Думы застращивающие слухи, которые и произвели обратное впечатление. Протопопов не отрицал, что он это сделал, но уверял, что мои пессимистические впечатления преувеличены.

Заседание 1 ноября оправдало мои предсказания. После речи Милокова, вынесшего на кафедру обвинение против Штюрмера, мы опять собрались в кабинете последнего и заявили, что так это оставить нельзя, что Штюрмер должен выступить и как председатель Совета министров, и как лично затронутый человек. Штюрмер отказался. Тогда ему была предложена формула привлечения Милокова к суду за клевету, для чего нужна была неисправленная стенограмма речи Милокова. Об этом было написано письмом Родзянке» (Игнатъев 1944: 279–282).

По словам Игнатъева, он выдвинул мысль о выступлении в Думе военных с целью убедить армию и противника в том, что трения между Думой и властью не отражаются на боеспособности России. Мысль эта была сообщена Трепову, который переговорил со Штюрмером и Макаровым, и они по секрету от других министров решили, что такое выступление необходимо, и Макарову было поручено составить шпаргалку для военного министра Д.С.Шуваева. Штюрмер собрал министров в председательском Кабинете для установления дальнейшей тактики правительства по отношению к Думе, Протопопов был за роспуск ее, другие сомневались, боясь затруднений в военном снабжении. Когда Трепов предложил выступление в Думе Шуваева, и выяснилась готовность шпаргалки, Игнатъев с чувством заявил, что Шуваев будет говорить «не по шпаргалке, не от Совета министров, который не смеет выступить перед Думой; а как честный солдат».

19 ноября 1916 г. Штюрмер был заменен Треповым. Игнатъев не разделял взглядов нового премьера, но признавал наличие у него программы, которой не было ни у Горемыкина, ни у Штюрмера. Тем не менее он стремился к отставке, но Трепов отказался ему в этом помочь.

В этот день, 19 ноября, Игнатъев получил прием у царя в Ставке. Он произнес пространную и весьма резкую речь против Протопопова. В заключение он заявил, что не может быть соучастником дела, вредного престолу, и просит об отставке. «Спасибо Вам, теперь мне глаза открыли, оставайтесь, работайте для меня», – сказал царь. Было уже 8 часов вечера, и он назначил на 11 часов утра продолжение разговора. Игнатъев обошел всех, кого знал в Ставке, что-

бы убедить их добиваться удаления Протопопова. Еще днем он успел повидать больного генерала М.В. Алексеева, затем генералов В.И.Гурко, К.К.Максимовича, А.А.Мосолова, гр. А.Н.Граббе, отца Георгия Шавельского, Д.В.Дена и, наконец, В.Н.Воейкова. Оказалось, что и до Игнатьева откровенные разговоры с царем об отчуждении власти от страны и особенно определенно о Протопопове имели П.М.Кауфман-Туркестанский и о. Георгий Шавельский. Все, кроме Воейкова, был согласны с Игнатьевым. Воейков же на все его доводы говорил: «*Vous plaider une cause perdue!*» («Вы хлопчете по заранее проигранному делу»).

В 10 утра должен был состояться всеподданнейший доклад Барка. Но рано утром приехала из Царского Села Александра Федоровна со всей семьей, и Игнатьев поделился с Барком своими опасениями, что встретит теперь у царя другое отношение. И на самом деле, когда он, дождавшись выхода Николая II из штаба, подошел к нему с формальным рапортом о том, что явился по данному ему приказанию, то получил ответ: «Мы, кажется, уже обо всем переговорили, приходите сюда с нами позавтракать, а там можете ехать в Петроград». Перед завтраком Игнатьеву и Барку пришлось убедиться в недовольстве ими императрицы, а за завтраком их с любопытством рассматривали, пересмеиваясь, старшие великие княжны, очевидно, и они знали о происшедшем.

Игнатьев ставил условиями своей дальнейшей работы удаление Протопопова и образование правительства по списку, предложенному Треповым царю. Он видел в этом не совсем то, что рассматривалось как ответственное министерство, но шаг к нему, при этом ответственность за неудачный состав министров оказывалась бы не на монархе, а на премьере. Среди доводов, приводившихся Игнатьевым и во всеподданнейших докладах, и в беседах с Треповым, был один, который, как ему казалось, мог успокоить тех, кто, как он выразился, опасался всяких новшеств. Это было напоминание о том, что Александр II, после неудач под Плевной поехавший к армии в Болгарию, дал деду нашего мемуариста Павлу Николаевичу Игнатьеву «секретный указ, поручавший ему в отсутствие

императора управлять внутренними делами России и назначать должностных лиц, в крайних лишь случаях обращаясь к монарху, и принять на себя всю ответственность перед монархом и страной. Мне казалось, что повторение такого указа председателю Совета министров, лишь со вставкой об установлении согласованной работы с законодательными палатами и с требованием представления на утверждение государя списка министров намечаемого Кабинета, могло внести упорядочение в дела внутреннего управления и вместе с тем удовлетворить значительное число членов Думы и в особенности ее председателя. Такой указ в то время был бы принят как первый шаг к установлению ответственного министерства.

Свершилось устранение Распутина.

Трепов был в Ставке и привез известие, что есть надежда на удаление Протопопова и изменение политики с предоставлением ему права подобрать сотрудников. Однако вскоре было получено сведение об утверждении Протопопова в должности министра внутренних дел. Макаров был удален, намечалось назначение, вопреки желанию Трепова, на это место Добровольского» (Игнатьев 1944: 288).

21 декабря 1916 г. Игнатьев добился своей отставки.

Литература

- Аврех 1966 – Аврех А.Я. Царизм и третьиононьская система. М., 1966.
Аврех 1981 – Аврех А.Я. Царизм и IV Дума: 1912–1914 гг. М., 1981.
Андрей Владимирович 1925 – Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. 1915 год / Предисловие В.П.Семенникова. Л.; М., 1925.
Власть 1996 – Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.
Вырубова 1990 – Фрейлина ее величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990.
Ганелин, Флоринский 1996 – Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни»: История текста и издания // Средневековая и новая Россия: Сб. научных статей к 60-летию профессора И.Я.Фроянова. СПб., 1996.
Ганелин, Флоринский 1999а – Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы со-

- циально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В.С.Дякина и Ю.Б.Соловьева. СПб., 1999.
- Ганелин, Флоринский 1999б – Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру: Верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 – январь 1916 г.) // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
- Государственный строй 1995 – Государственный строй Российской империи накануне крушения. М., 1995.
- Дякин 1967 – Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
- Дякин 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
- Игнатъев 1944 – Игнатъев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. // Новый журнал. 1944. № 8.
- Коковцов 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Кн.2.
- Кризис 1984 – Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984.
- Падение 1926 – Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т.6.
- Поливанов 1924 – Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника: 1907–1916 гг. М., 1924. Т.1.
- Спасский-Одынец – Спасский-Одынец А.А. Manuscript IV (Бахметьевский архив Колумбийского ун-та в Нью-Йорке).
- Спиридович 1960 – Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн.1.
- Черменский 1976 – Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- Яхонтов 1926 – Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июня–2 сентября 1915 года // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVII).
- Яхонтов 1999 – Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н.Яхонтова. (Записи заседаний и переписка) / Публикация Р.Ш.Ганелина, С.В.Куликова, В.В.Лапина, М.Ф.Флоринского при участии Н.Хеймсон и Р.Уортмана. СПб., 1999.
- Ignatiev – Once a minister in Imperial Russia: The Memoirs of Count Paul Nicholaevitch Ignatiev. Бахметьевский архив Колумбийского ун-та в Нью-Йорке.